

И.С. КОН

Проблема "Я" в психологии¹

Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явления обездушить,
Забыв, что если в них нарушите:
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.

Гете

В отличие от философских теорий, претендующих на раскрытие "истинной природы" и "сущности" "Я" в целом, психология пытается расчленивать эту проблему на составные части, которые могли бы стать предметом экспериментальных исследований. Однако классификация соответствующих психологических теорий представляет большие трудности, так как они дифференцируются по различным линиям.

Во-первых, *по предмету*, на котором сосредоточен главный интерес исследователей. Одни интересуются прежде всего субъектными свойствами индивида, внутренними источниками его активности, которые выше были обозначены как идентичность и "Эго". Таковы, например, персоналистическая психология, фрейдизм, экзистенциализм, эгопсихология. Других занимает преимущественно "образ Я" как элемент самосознания.

Во-вторых, психологические исследования различаются по *теоретическому контексту*, углу зрения, под которым рассматривается проблема "Я". Там, где отправной точкой служит *теория личности*, "Я" чаще всего мыслится как некое структурное единство и наибольшее внимание привлекают его регулятивные функции. В контексте *теории сознания* на первый план выступают когнитивные особенности процессов самосознания, адекватность самооценок и т. п.

В-третьих, существенно различается *методологическая стратегия* исследований. Так, подход к изучению самооценок, этого ценнейшего источника в понимании "образа Я", меняется в зависимости от того, рассматриваются они исследователем как непосредственные *компоненты* "образа Я" или только как *индикаторы* каких-то глубинных и не осознаваемых личностью качеств (например, самоуважения). Психолог, считающий личность просто суммой черт, может удовлетвориться описательно — компонентным анализом и скажет, что "образ Я" складывается из представлений индивида о своем теле, уме, способностях, социальном положении и т. д. Для системно-структурного мышления такая стратегия принципиально неприемлема, генезис самосознания рисуется ему гораздо более сложным.

Первые шаги научно-психологического анализа человеческого "Я" были связаны с развитием естественнонаучного мышления и борьбой против идеализма. Идеалистические теории психики, считавшие "Я" источником всех человеческих действий, приравнивали его к "душе", или нематериальному "внутреннему агенту", который направляет поведение индивида,

¹ И.С. Кон. Открытие "Я". М., 1978.

а сам не может быть ни выведен, ни сведен, ни объяснен. Естественно, что научная психология стремилась разоблачить этот "призрак", по выражению И. М. Сеченова, свести его к каким-то материальным процессам. Но к каким именно?

Большинство психологов XIX в. видели в "Я" чувственный образ, формирующийся на основе самоощущений и закрепленных памятью ассоциаций. Так, Дж. Ст. Милль связывал появление "Я" с памятью о совершенном действии. По мнению Ч. Пирса, "идея Я" возникает у ребенка в результате ассоциации факта перемещения вещей с движением собственного тела, которое осознается как причина перемещения. В. Вундт понимает "Я" как чувство связи всех индивидуальных психических переживаний, придавая особое значение в его генезисе кинестетическим ощущениям. Эта тенденция имела материалистическую направленность, была ориентирована на эксперимент и способствовала развитию ряда важных исследований (например, того, как человек осознает схему собственного тела). Особенно ценными в этом плане были работы И. М. Сеченова.

"Ребенок, - писал Сеченов, - множество раз получает от своего тела сумму самоощущений во время стояния, сидения, бегания и пр. В этих суммах, рядом с однородными членами, есть и различные, специально характеризующие стояние, ходьбу и пр. Так как эти состояния очень перемежаются друг с другом, то существует тьма условий для их соизмерения в сознании. Продукты последнего и выражаются мыслями: "Петя сидит или ходит". Здесь *Петя* обозначает, конечно, не отвлечение из суммы самоощущений постоянных членов от изменчивых... но мысли все-таки соответствует ясное уже и в уме ребенка отделение своего тела от своих действий. Затем, а может быть и одновременно с этим, ребенок начинает отделять в сознании от прочего те ощущения, которые составляют позыв на действия; ребенок говорит: "Петя хочет есть, хочет гулять". В первых мыслях выражается безразлично состояние своего тела как цельное самоощущение; здесь же сознана раздельность уже двух самоощущений... Так как эти состояния могут происходить при сиденье, при ходьбе и пр., то должно происходить соизмерение их друг с другом в сознании. В результате выходит, что Петя то чувствует пищевой голод, то гуляльный; то ходит, то бегаёт - во всех случаях Петя является тем общим источником, внутри которого рождаются ощущения и из которого выходят действия".

Однако ограниченность психофизиологического и ассоцианистского подхода к проблеме "Я" состояла в том, что он не видел социальных аспектов самосознания.

Разумеется, даже авторы классических робинзонад, не говоря уже о психологах XIX в., прекрасно понимали, что человек живет в обществе и зависит от него. Но общество, подобно пространству в ньютоновской физике, мыслилось лишь как условие, рамка, внешняя среда развития личности. Содержание же рефлексивного "Я" казалось непосредственно данным (самочувствие) или формирующимся в результате самонаблюдения. Но что побуждает человека к саморефлексии, каковы критерии его самооценок и почему он заостряет внимание на одних аспектах собственного опыта в ущерб другим?

Человек осознает прежде всего такие свои свойства, на которые кто-то или что-то обращает его внимание. Это верно даже относительно элементарных физических свойств. Замечено, что, рисуя словесный портрет дру-

гого человека или автопортрет, Подростки значительно чаще, чем дети и взрослые, включают в эти описания свойства кожи. Дело в том, что появляющиеся в связи с половым созреванием изменения кожного покрова невольно привлекают к себе внимание окружающих, доставляя подросткам много неприятностей.

Уже простое описание, фиксация того или иного качества большей частью включает в себя момент оценки и сравнения. Вряд ли кто-нибудь измерял длину своего носа в сантиметрах. Однако каждый знает, большой у него нос или маленький, красивый или некрасивый. Постигается это путем сравнения.

Прилежный, умный, сильный, красивый, вспыльчивый, послушный, старательный - все эти определения имеют оценочный смысл и обязательно предполагают сравнение с кем-то. Разграничить осознание многих своих психических и даже телесных свойств от их социально-нравственной или эстетической самооценки практически невозможно.

Хотя "образ Я" всегда включает в себя определенный набор компонентов (представление о своем теле, своих психических свойствах, моральных качествах и т.д.), их конкретное содержание и значимость варьируются в зависимости от социальных и психологических условий и состояний. Кроме того, человек не просто "узнает", "открывает", но и активно формирует себя. Осознание каких-то своих способностей меняет его самооценку и уровень притязаний, да и сами эти способности не только проявляются, но и формируются в деятельности.

Уяснение этого постепенно подводило психологов, как ранее случилось с философами, к пониманию *социальной* природы "Я". Первым шагом в этом направлении было признание, что наряду с биологическим, телесным "Я", к осознанию которого индивид приходит "изнутри", благодаря развитию органического самочувствия, "образ Я" включает в себя социальные компоненты, источником которых является взаимодействие индивида с другими людьми. Наиболее известным вариантом этой модели была теория Уильяма Джемса. Джемс начинает с того, что разграничивает "познающее Я", "поток сознающей мысли", которое он обозначает английским словом "I" (буквально — "я", местоимение первого лица единственного числа), и "эмпирическое Я", обозначаемое словом "me" (буквально - "меня", которое не имеет в русском языке адекватной грамматической формы для передачи его существительным). "Me" - это "общий итог всего, что человек может назвать своим, включая не только его собственное тело и психические силы, но и все принадлежащее ему — одежду, дом, семью, предков и друзей, репутацию, творческие достижения, земельную собственность и даже яхту и текущий счет". "Эмпирическое Я" Джемс в свою очередь подразделяет на три компонента: "материальное Я" - тело, одежда, собственность; "социальное Я" — то, чем признают данного человека окружающие (каждый человек имеет столько разных "социальных Я", сколько существует отдельных групп или кружков, о мнении которых он заботится); "духовное Я" — совокупность психических способностей и склонностей.

При всей "буржуазности" этой модели, в которой текущий счет - такой же важный компонент "Я", как и тело, включение в нее социальных характеристик было, несомненно, шагом вперед. В буржуазном обществе собственность, имущественное положение и вправду составляют важный компонент личности и ее самосознания (вспомним блестящие рассуждения К.

Маркса о том, как притягательная сила денег нейтрализует и перевешивает отталкивающую силу уродства).

Однако социальные и индивидуально-природные компоненты "Я" остаются в схеме Джемса рядоположными. Между тем осознание индивидуально-природных качеств также имеет свои социальные предпосылки. Вполне закономерно поэтому, что в последующем "социологизация" проблемы "Я" была продолжена.

В начале XX в. социолог Чарлз Хортон Кули сформулировал теорию "зеркального Я", согласно которой представление человека о самом себе, "идея Я", складывается под влиянием мнений окружающих и включает три компонента: представление о том, каким я кажусь другому лицу, представление о том, как этот другой меня оценивает, и связанную с этим самооценку, чувство гордости или унижения. "Идея Я" формируется уже в раннем возрасте в ходе *взаимодействия* индивида с другими людьми, причем решающее значение имеют так называемые первичные группы (семья, сверстники и т. д.).

В 40-50-х годах теория "зеркального Я" стала базой множества экспериментальных исследований, выясняющих зависимость "образа Я" или частных самооценок от мнения окружающих. Результаты этих исследований показывали, что под влиянием благоприятных суждений окружающих самооценка повышается, неблагоприятных - снижается, причем нередко меняется и самооценка тех качеств, которые не подвергались оценке со стороны. Так, похвала, полученная от авторитетной для личности группы, может способствовать повышению общего уровня ее притязаний.

Поскольку теория "зеркального Я" в ее первоначальном варианте акцентировала внимание на зависимости формирования "образа Я" от мнения "значимого другого", человеческое "Я" выглядит в ней пассивным: оно только отражает и суммирует чужие мнения на свой счет, а взаимодействие людей в процессе их совместной деятельности сводится к обмену мнениями. На деле каждый индивид общается с множеством разных людей, которые воспринимают и оценивают его неодинаково. Кроме того, различные люди (и группы) неодинаково значимы для личности. Например, в одних случаях большее влияние на подростка могут оказать родители, семья, а в других - сверстники, приятели. Наконец, личность не механически усваивает Чужие мнения о себе, но более или менее самостоятельно осмысливает и отбирает их, используя при этом собственные критерии.

Формирование человеческого "Я" в процессе *реального* взаимодействия индивида с другими людьми в рамках определенных социальных групп и в зависимости от выполняемых личностью ролей было исследовано американским ученым Джорджем Гербертом Мидом (1863—1931), родоначальником *интеракционистской* (от interaction — взаимодействие) ориентации в социальной психологии. В противоположность тем, кто считал, что "образ Я" дан индивиду непосредственно или формируется путем обобщения самоощущений. Мид утверждает, что самосознание - это процесс, в основе которого лежит *практическое* взаимодействие индивида с другими людьми. "Индивид познает себя как такового не прямо, а только косвенно, с частных точек зрения других членов данной социальной группы или с обобщенной точки зрения всей группы, к которой он принадлежит, ибо он входит в свой собственный опыт как Я или как индивид не прямо и непосредственно..., а только став для себя таким же объектом, каким явля-

ются для него другие индивиды. Объектом же для себя он может стать, приняв отношения к себе других индивидов, в рамках той совместной общественной деятельности, в которую они вовлечены". Чтобы успешно взаимодействовать с другими людьми, необходимо предвидеть реакцию партнера на то или иное твоё действие. Рефлексия на себя есть, по сути дела, не что иное, как способность поставить себя на место другого, усвоить отношение других к себе.

Простейшей моделью этого процесса может служить, по Миду, психология детской игры. Сначала ребенок просто подражает поведению окружающих его людей. Он выступает то в роли воспитателя, делая кому-то замечания, то в роли воспитуемого - сам исполняет только что данные указания. Но эти сменяющиеся роли еще не интегрированы в определенную систему. В каждый данный момент ребенок представляет себя кем-то другим. Отсюда - внешняя непоследовательность его действий, которые можно понять, только зная, кем он себя в данный момент воображает и как он определяет свою роль. Он может воображать себя не только человеком, но и животным и даже неодушевленным предметом (например, паровозом). В отношениях с людьми ребенок не столько "принимает роль" другого (ставит себя на его место), сколько *идентифицируется* с ним, усваивая при этом и его отношение к себе, либо столь же однозначно приписывает другому свои собственные мотивы.

По мере усложнения игровой деятельности ребенка круг его "значимых других" расширяется, а его отношения с ними становятся все более избирательными. Это требует и более сложной внутренней регуляции поведения. Чтобы участвовать в коллективной игре (например, в футбол), ребенок должен усвоить целую систему правил, регулирующих отношения между игроками, и уметь сообразовать свои действия со всеми другими членами команды. Это значит, что он ориентируется уже не на отдельных конкретных других, а на некоего "обобщенного другого". Овладеть ролью вратаря - значит усвоить правила игры и те ожидания (экспектации), которые предъявляются к вратарю всеми членами команды. Соответственно и самооценка себя в роли вратаря (хороший я вратарь или плохой) зависит от того, насколько данный индивид отвечает этим ожиданиям. Но эта закономерность существует не только в игре. Человек в принципе не может осознать и описать себя без помощи категорий, обозначающих его пол, возраст, социальную принадлежность, род занятий, семейное положение и т. д. Каждая такая характеристика ("мужчина", "взрослый", "учитель", "отец") обозначает занимаемую индивидом социальную позицию и связанную с этим систему взаимных ожиданий.

В концепции Мида "Я" предстает как производное от группового "Мы", которое оно косвенно включает в себя, причем содержание "Я" обусловлено уже не мнениями других людей, а *реальными взаимоотношениями* с ними, их совместной деятельностью. Кроме индивидуальных "значимых других" появляется обобщенный, "генерализованный другой", которым может быть не только семья или игровая группа, но и общество в целом. "Индивидуальное Я", подчеркивал Мид, попросту "включает" в себя отдельные социальные компоненты, но все оно в целом "есть по самой сути своей социальная структура, вырастающая из социального опыта".

Описание личности и ее "Я" через групповые принадлежности и социальные роли, по сути дела, лишь переводит на язык психологии то, к чему

давно уже пришли философы (вспомним гегелевскую схему перехода от единичного самосознания к всеобщему, фейербаховское обнаружение "Я" в "Ты" и, наконец, высказывание К. Маркса о Петре и Павле). Однако употребление термина "роль" в данном случае не следует истолковывать, что нередко случается, как прямое сведение личности к совокупности выполняемых ею социальных функций или, еще того хуже, к ложному, разыгрываемому поведению.

"Конечно, ребенок усваивает то, как он должен вести себя с мамой, скажем, что ее нужно слушаться, и он слушается, но можно ли сказать, что при этом он играет *роль* сына или дочери? — спрашивает известный советский психолог А. Н. Леонтьев. Столь же нелепо говорить, например, о "роли" полярного исследователя, "акцептированной" Нансеном: для него это не "роль", а *миссия*. Иногда человек действительно разыгрывает ту или иную роль, но она все же остается для него только "ролью", независимо от того, насколько она интернализирована. "Роль" - не личность, а, скорее, *изображение*, за которым она скрывается". Но если "роль", как следует из определения самого А. Н. Леонтьева, есть программа, "которая отвечает ожидаемому поведению человека, занимающего определенное место в структуре той или иной социальной группы", или "структурированный способ его участия в жизни общества", то она никак не может быть "изображением" лица. Иначе придется признать, что личность существует не только вне общества, но даже и вне своей собственной социальной деятельности. Ведь "структурированный способ участия в жизни общества" есть не что иное, как структура деятельности человека.

Источник этого противоречия лежит в логической подмене понятий, точнее, системы отсчета. Социальная психология, которую критикует А. Н. Леонтьев, рассматривает *объективный процесс взаимодействия* индивидов в обществе, выводя *из него* их самосознание. А. Н. Леонтьев же имеет в виду то, *как сам индивид воспринимает и оценивает* свои действия. Ребенок может быть искренне любящим и послушным или только притворяться таковым, и разница здесь весьма существенна. Но это не отменяет того, что существует определенное *социальное* определение детской роли, в свете которого оценивается поведение конкретного ребенка и которое не может не преломляться в его собственном самосознании ("я хороший, потому что слушаюсь маму").

"Ролевое" описание диалектики индивидуального и социального осуществляется на трех различных уровнях: в рамках безличной макросоциальной системы (социологический уровень), в рамках непосредственного межличностного взаимодействия (социально-психологический уровень) и в рамках индивидуальной мотивации (внутриличностный уровень).

В *социологии*, предметом исследования которой является социальная система, "социальная роль" понимается как безличная норма, функция, связанная с определенной социальной позицией и не зависящая от личных свойств занимающих эту позицию индивидов; "роль" учителя, инженера или отца семейства социологически задана общественным разделением труда и иными объективными процессами, не зависящими от воли отдельного индивида. Хотя требования, предъявляемые к человеку занимающему эту позицию, далеко не всегда формулируются так однозначно, как в воинском уставе или должностной инструкции, они тем не менее вполне объективны. Чтобы понять, к примеру, соотношение отцовской и материнской ролей в

современной семье, надо учитывать прежде всего реальное разделение труда между мужчиной и женщиной, соотношение их семейных и внесемейных обязанностей, структуру семьи, способы воспитания детей и т. д. Мнения же конкретных мужчин и женщин по этому вопросу, при всей значимости индивидуальных вариаций, будут только отражением стереотипов массового сознания, за которыми в конечном счете стоят закономерности социальной структуры.

Социальная психология в известной мере оставляет эти мак-росоциальные отношения "за скобками", понимая "роль" как структуру непосредственного межличностного взаимодействия. Привычные нормы поведения неизбежно стандартизируются и подкрепляются системой взаимных ожиданий. От человека, который несколько раз проявил остроумие, ждут, что он и в дальнейшем будет развлекать своих товарищей, и эта "роль шутника" так или иначе включается в его "образ Я".

Наконец, при исследовании *внутриличностных* процессов словом "роль" обозначают определенный аспект, часть, сторону деятельности лица, называя ее в данном случае "интериоризованной", то есть усвоенной, вошедшей "внутрь" личности ролью. Внимание здесь акцентируется прежде всего на том, как *сам индивид* воспринимает, сознает и оценивает ту или иную свою функцию (деятельность), какое место занимает она в его "образе Я", какой личностный смысл он в нее вкладывает. "Интериоризованная роль" - это компонент самосознания, *отношение* личности к некоторому аспекту собственной деятельности.

Таким образом, понятие "социальная роль" как бы связывает деятельность личности и ее самосознание с функционированием социальной системы, причем отправной точкой здесь является не индивид, а социум. Но это разграничение в известной мере условно. Буржуазные социологи вслед за обыденным сознанием часто делят жизнедеятельность личности на две части, из которых одна - формальная, застывшая, мертвая - приписывается "безличному" миру социальных ролей, а вторая - "личная", эмоционально окрашенная - представляет то, чем индивид является "сам по себе", безотносительно к социальным условиям. В житейском обиходе сказать про человека; что он "исполняет роль" отца или учителя, все равно что сказать, что он "притворяется", что он "не настоящий" отец или учитель. Самому индивиду "ролевой" кажется только такая деятельность, которую он воспринимает как нечто более или менее внешнее, периферийное, условное, "разыгрываемое" для других, в отличие от "подлинного Я", без которого он просто не может себя представить. Но независимо от того, считает ли индивид свою работу ремеслом, призванием или даже миссией, хотя это весьма существенно для него самого, а также для морально-психологической оценки его как личности, социологически он во всех случаях исполняет определенную "профессиональную роль". И если энтузиастов на данный вид работы не находится, а обойтись без него общество не может, начинают действовать такие вполне объективные механизмы, как материальное стимулирование, государственное распределение специалистов и т. п.

Взаимопроникновение социально-ролевого и индивидуально-личностного начал можно наблюдать во всех сферах жизнедеятельности людей. - Возьмем, например, Марксов анализ процесса обмена. В принципе отношения покупателя и продавца совершенно безличны. Продавец - всего лишь персонифицированный товар (скажем, голова сахара), а покупатель -

персонифицированные деньги (золото). "Как только голова сахара становится золотом, продавец становится покупателем. Эти определенные общественные роли вытекают отнюдь не из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в форме товаров. Отношения, существующие между покупателем и продавцом настолько не индивидуальны, что они оба вступают в них лишь поскольку отрицается индивидуальный характер их труда, именно поскольку он, как труд *не* индивидуальный, становится деньгами". Но эти безличные экономические роли не являются чем-то абсолютно противоположным индивидуальности, поскольку эти роли, как и эта индивидуальность, - продукт истории. "...Эти экономические буржуазные роли покупателя и продавца... суть необходимое выражение индивидуальности на основе определенной ступени общественного процесса производства".

И так обстоит дело не только в практике, но и в самосознании. Личность не может определить себя безотносительно к системе своих "социальных ролей"; она может сливаться, идентифицироваться с ними или отстраняться, дистанцироваться от них, даже противопоставлять себя им, но во всех случаях при определении своего "Я" они как бы служат для личности точкой отсчета.

Чем богаче структура жизнедеятельности индивида, чем шире круг его социальных принадлежностей, тем более сложным и дифференцированным будет его самосознание.

Во-первых, человек сталкивается с тем, что его разные обязанности и роли, например, профессиональные и семейные, не совпадают, а иногда и противоречат друг другу. Эти *межролевые конфликты* активизируют работу самосознания, побуждая личность иерархизировать разные аспекты своей жизнедеятельности, соподчинять их соответственно какой-то шкале ценностей.

Во-вторых, каждая "социальная роль" есть отношение, которое его участники могут определять по-разному (например, требования, предъявляемые к учителю школьной администрацией, коллегами, родителями и учениками, могут существенно расходиться). Эти *внутриролевые конфликты* предполагают необходимость самостоятельного, индивидуального определения собственной роли со всей вытекающей отсюда мерой ответственности.

В-третьих, неодинаково сами *отношение* индивида к выполняемым ролям: одни функции и виды деятельности переживаются и осознаются как органические, неотделимые от собственного "Я", другие - как более или менее внешние, периферийные, "искусственные". Степень психологического отчуждения индивида от своих "ролей" зависит от многих причин как социального, так и психологического характера.

Социально-психологический подход к личности, предложенный интеракционистами, несомненно, открыл новые перспективы для изучения проблемы "Я". Однако ему свойственна известная односторонность.

Как справедливо отмечал Л. С. Выготский, "личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других... За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей". Функции самосознания Выготский называл "третичными" функциями, имея в виду, что они производны как от непосредственного социального общения личности, так и от ее уже интер-

норизованных и в этом смысле "вторичных" психических функций. Интеракционисты же видят преимущественно первое - *непосредственное межличностное общение*, оставляя в тени как биологические основы индивидуальности, так и более широкие *социальные детерминанты*, в частности предметное содержание деятельности личности.

Именно эти упущения интеракционизма и стали в первую очередь предметом критики со стороны марксистской социологической и психологической науки. Социологи-марксисты подчеркивают неправомерность сведения социальных детерминант личности и ее самосознания к непосредственному взаимодействию индивидов, необходимость учитывать разную *объективную* значимость, соподчиненность и "ранг" усваиваемых индивидом "ролей". Психологи же выступают против недооценки Мидом и его последователями эмоциональных предпосылок самосознания, телесных переживаний и самоощущений. Представители французской школы генетической психологии (Анри Баллон, Рене Заззо и его сотрудники) подчеркивают, что генезис самосознания, будучи в целом социальным процессом, имеет, однако, и биологические предпосылки, особенно заметные при изучении эмоциональных аспектов "Я" (самочувствие, самоощущение), в частности развития *"чувства Я"*. Эта сторона дела особенно важна для понимания филогенеза самосознания.

Уяснение многогранности проблемы способствовало дальнейшей дифференциации тематики психологических исследований, посвященных генезису самосознания в целом и представлений индивида о самом себе², а также совершенствованию их методологии и техники.

¹ Для обозначения данного явления в психологической литературе используется целый ряд терминов: "идея Я", "образ Я", "понятие Я", "Я концепция". Одни авторы употребляют их как синонимы, другие пытаются установить их иерархию по степени обобщенности и устойчивости: "образ Я" обозначает нечто зависящее от ситуации, "понятие Я" мыслится как устойчивая структура самосознания и т. д. Поскольку возможность строгого разграничения смысла этих терминов представляется сомнительной, для обозначения представлений индивида о самом себе в дальнейшем изложении мы будем пользоваться собирательным термином "образ Я".